

32/76 - 1.10.76

Орловский 31

Материалы Самозащита, Минжур
1976 лет. 34 от 1.10.76

АС №2611
-1-

АС №2611. Эрнст Орловский, мат-к, "Беседа Э.С. Орловского с начальником Отдела по надзору за следствием в органах Госбезопасности городской прокуратуры Ленинграда Катуковой в связи с жалобами Орловского на произвол работников транспортной милиции Ленинградского аэропорта "Пулково", (Ленинград), 30.6.76.†

БЕСЕДА Э.С. ОРЛОВСКОГО¹

С НАЧАЛЬНИКОМ ОТДЕЛА ПО НАДЗОРУ ЗА СЛЕДСТВИЕМ В ОРГАНАХ ГОСБЕЗОПАСНОСТИ ГОРОДСКОЙ ПРОКУРАТУРЫ ЛЕНИНГРАДА КАТУКОВОЙ В СВЯЗИ С ЖАЛОБАМИ ОРЛОВСКОГО НА ПРОИЗВОЛ РАБОТНИКОВ ТРАНСПОРТНОЙ МИЛИЦИИ ЛЕНИНГРАДСКОГО АЭРОПОРТА "ПУЛКОВО"

30 июня 1976 г.

В воскресенье 27 июня 1976 г. ОРЛОВСКИЙ получил письмо из Ленинградской городской прокуратуры, датированное 25.6.76 за № 10-3089-76 и содержащее просьбу зайти "в связи с проверкой Вашего заявления" в Ленгорпрокуратуру 30.6.76 в 10 час. Фамилия лица, к которому следует зайти, не была указана, равно как и номер кабинета. Письмо было подписано старшим советником юстиции, старшим помощником прокурора города Ленинграда И.В. КАТУКОВОЙ².

/Беседа записана по памяти, и, разумеется, не дословно. Возможны пропуски и перестановки частей беседы.

В квадратных полускобках $\langle \rangle$ приведены пояснения и дополнения, которые не были произнесены в беседе. / 3

† Перепечатка с фотоконии оригинала из АС.

1. Эрнст Семенович Орловский, о нем см. АС №2373:1, сноску 1.
2. И.В. Катукова, ст.советник юстиции к июню 1972, прокурор на следующих процессах: "Союза коммунистов" - Ю.И. Федорова и др. 24-26.7.69; Эруанда Лалаянца в янв.1970; "Самолетчиков" - Эдуарда Кузнецова и др. 15-24.12.70; "Околосамолетчиков" - Г.Бутмана и др. 11-20.5.71; Бориса Евдокимова 12-14.6.72; Владимира Марамзина 19-21.2.75 (см. Хр. №12:17, 16:15, 17:12, 20:2, 26:6, 35:16).
3. Сноска Э.Орловского.

Ст. пров. Минжур
по надзору за
органами
Минжур РСФСР
Искра
васильева
Катукова
статья на эту тему
в начале 1990г.

Кабинет И.В. КАТУКОВОЙ находится на 6-ом этаже здания Ленгорпрокуратуры, комн. № 75. На двери кабинета - табличка "Старший помощник прокурора гор. Ленинграда по надзору за следствием в органах государственной безопасности". В комн. 74 находится, как известно, кабинет заместителя КАТУКОВОЙ ПОНОМАРЕВА, а в комн. 73 - кабинет ст. следователя В.С. ГРИГОРОВИЧА¹, ведущего дела о клеветнических измышлениях, порочащих советский строй, но без цели его подрыва /ст.190-1 УК/, о нарушении законов, регламентирующих деятельность религиозных организаций /ст.142 УК/, о даче ложных показаний на процессах по этим и подобным статьям и др. /ГРИГОРОВИЧ, по его словам, не подчинен КАТУКОВОЙ/. Табличек на дверях кабинетов 73, 74 нет./

Инесса Васильевна КАТУКОВА была в обычной одежде /не в форменной/. В начале беседы она сообщила, что ей поручено прокурором города Ленинграда² сообщить ОРЛОВСКОМУ ответ на его заявление Ленинградскому транспортному прокурору от 28 мая 1976 г. и на его заявление Генеральному Прокурору СССР от 6 июня 1976 г. /В заявлении транспортному прокурору ОРЛОВСКИЙ жаловался на незаконные, по его мнению, действия транспортной милиции ленинградского аэропорта "Пулково": обыск багажа и ручной клади без вынесения какого-либо постановления и без санкции прокурора; личный обыск без каких бы то ни было формальностей; отказ ознакомить ОРЛОВСКОГО с нормативными актами, на основании которых действуют работники милиции; чтение при этом обыске личной переписки ОРЛОВСКОГО вопреки его воле и без санкции прокурора; изъятие без какого-либо основания ряда печатных изданий, машинописных текстов и рукописей; внесение в протоколы ложных сведений об обстоятельствах обыска и о фамилиях производивших обыск лиц; оценка в протоколах как "антисоветских" изъятых изданий и документов, которые не только не являются антисоветскими, но значительная часть которых не может быть сочтена антисоветскими даже при самом богатом воображении /и многие из которых ко времени беседы ОРЛОВСКОГО с КАТУКОВОЙ уже были возвращены ОРЛОВСКОМУ сотрудником госбезопасности МИХАЙЛОВЫМ/; отказ выдать ОРЛОВСКОМУ копии протоколов досмотра и изъятия /как они

1. В.Григорович вел допрос Э.Орловского 26.8.75 по делу А.Твердохлебова (см. АС №2373).
2. Сергей Ефимович Соловьев, гос.советник юстиции II класса, в должности по кр.мере с июля 1970 (см. "Лен.пр.", 3.7.70, 20.4.76).

Сергей Сергеевич, след. по ОВД (СЗ, 86/4:40.02 + 917?)

официально названы/ или хотя бы перечень изъятых материалов; ОРЛОВСКИЙ требовал также возбудить уголовное дело против руководившего обыском майора милиции ИВАНОВА¹ по обвинению его в клевете, нарушении тайны переписки, служебном подлоге и превышении власти. /Трудно усмотреть, как можно было бы оспаривать совершение майором ИВАНОВЫМ этих четырех преступлений; кроме этого, есть основания полагать, что он совершил и ряд других преступлений; в частности, в Уголовном кодексе есть статья 136², карающая производство незаконного обыска. /к сожалению, нечеткая формулировка этой статьи допускает возможность ее толкования как относящейся лишь к незаконному обыску, связанному с нарушением неприкосновенности жилого помещения, чего в настоящем случае не было/; действия ИВАНОВА очень близки также к составу преступления "злоупотребление власти"³, но было бы трудно доказать у него наличие "корыстной или иной личной заинтересованности", хотя последующие действия прокуратуры позволяют предположить, что ИВАНОВ мог ожидать не неприятностей, а, наоборот, поощрения за свои незаконные действия и потому мог действовать из карьеристских побуждений; в отличие от этого, превышение власти, клевета и нарушение тайны переписки караются независимо от того, были ли у преступника личные мотивы к их совершению; ответственность за служебный подлог наступает лишь в случае личной заинтересованности преступника, но в отношении подлога есть все основания подозревать наличие у ИВАНОВА такой заинтересованности, поскольку внесение в протоколы ложных сведений вряд ли могло иметь какую-нибудь другую цель, кроме стремления затруднить привлечение ИВАНОВА к ответственности за незаконный обыск, клевету и нарушение тайны переписки. / Вопреки закону, ОРЛОВСКИЙ не получил от транспортного прокурора сообщения о том, что его заявление направлено в городскую прокуратуру Ленинграда. В заявлении Генеральному Прокурору ОРЛОВСКИЙ просил принять меры к немедленной выдаче ему списка изъятых у него материалов, а также ускорить рассмотрение заявления, поданного транспортному прокурору; 11 июня ОРЛОВСКОМУ было сообщено, что его заявление направлено в Ленинградскую городскую прокуратуру./

2. "Нарушение неприкосновенности жилища граждан".

3. Ст. 170 УК РСФСР.

1. И.А. Иванов (см. АС №2612:1).

И.В. КАТУКОВА сообщила, что заявление, адресованное транспортному прокурору, получено ею 4 июня 1976 г. и она отвечает на него в месячный срок, в соответствии с указом 1968 года о рассмотрении предложений, заявлений и жалоб граждан. Она пояснила, что проверка жалобы была поручена ей, поскольку изъятые у ОРЛОВСКОГО материалы переданы в Управление КГБ. Она утверждала, однако, что изъятие материалов не связано с каким бы то ни было расследованием, проводимым КГБ.

При проверке заявления ОРЛОВСКОГО КАТУКОВА, по ее словам, потратила день на чтение изъятых у ОРЛОВСКОГО материалов, затем прочла "протокол изъятия антисоветской литературы из багажа" и "протокол досмотра ручной клади", а также составленный ОРЛОВСКИМ список предметов, находящихся в чемодане, для доказательства принадлежности чемодана ОРЛОВСКОМУ, и подписанный семью сотрудниками милиции акт об отказе ОРЛОВСКОГО от подписания протокола. Она зачитала ОРЛОВСКОМУ краткие выдержки из акта, содержащие, в частности, утверждение, будто досмотр чемодана и портфеля закончился в 0 час. 25 мин. /тогда как в действительности досмотр портфеля начался около 1 часа 30 мин., а закончен около 2 час. 30 мин. ночи/. КАТУКОВА сообщила, что ею были истребованы письменные объяснения от присутствовавших при обыске /упомянутых в протоколах досмотра и изъятия/ старшей багажной кладовщицы ТЕРЕШИНОЙ и приемщицы-раздатчицы багажа НАУМОВОЙ. В этих объяснениях признается, что по просьбе сотрудницы Аэрофлота ОРЛОВСКИЙ открыл свой чемодан, оказавшийся без бирки /хотя в протоколе изъятия указано, будто ОРЛОВСКИЙ отказался это сделать/, но она-де не успела удостовериться в том, что ОРЛОВСКИЙ правильно назвал находившиеся в чемодане вещи, поскольку круг для раздачи багажа тронулся. После этого /так, по словам КАТУКОВОЙ, сказано в "объяснениях"/ ОРЛОВСКОМУ было предложено повторно открыть чемодан, но ОРЛОВСКИЙ-де стал возмущаться, что привлекло внимание проходившего сотрудника уголовного розыска младшего лейтенанта милиции ЦИРЕНЩИКОВА, который предложил ОРЛОВСКОМУ пройти в милицию. /В действительности сотрудница Аэрофлота не проявила ни малейшего интереса к доказательствам при-

надлежности чемодана ОРЛОВСКОМУ; вместо этого она, увидев в чемодане папку, спросила ОРЛОВСКОГО, секретные ли там документы; получив ответ, что не секретные, она подозвала младшего лейтенанта милиции ЦИРЕНЩИКОВА, тот взял папку, приоткрыл ее, убедился, что в ней машинописные тексты, и вернул ОРЛОВСКОМУ; в этот момент круг тронулся, ОРЛОВСКИЙ закрыл чемодан, снял его с круга, выразив готовность вновь его открыть; однако ЦИРЕНЩИКОВ стал настаивать, чтобы ОРЛОВСКИЙ прошел в милицию. / На вопрос ОРЛОВСКОГО, с какой целью нужно пройти в милицию, последовали путанные ответы сотрудницы Аэрофлота и ЦИРЕНЩИКОВА: чтобы не собирать народ; поскольку в милиции есть другой гражданин, который якобы претендует на этот же чемодан /беззастенчивая ложь/; чтобы вы потом не сказали, что у вас что-то в чемодане пропало, надо проверить его содержимое /?!/.

ОРЛОВСКИЙ спросил у КАТУКОВОЙ, видела ли она ИВАНОВА, истребовала ли она его объяснение, а также, истребовала ли она объяснение у ЦИРЕНЩИКОВА. КАТУКОВА ответила, что ИВАНОВА она не видела и не знает, объяснения у него не требовала /это весьма странно, если только ИВАНОВ /как указано в его удостоверении личности/ - действительная фамилия руководителя обыска/. Объяснение у ЦИРЕНЩИКОВА истребовано, но о содержании его КАТУКОВА не захотела ничего сказать /не исключено, что объяснение ЦИРЕНЩИКОВА ближе соответствует действительности, чем объяснения ТЕРЕШИНОЙ и НАУМОВОЙ, на которые настойчиво ссылалась КАТУКОВА/.

ОРЛОВСКИЙ рассказал КАТУКОВОЙ, как в действительности было дело /это рассказано выше в скобках/, а также рассказал об имеющихся у него основаниях для предположения о том, что бирка у чемодана была оторвана сознательно, а также для предположения о том, что чемодан был предварительно открыт без ведома владельца, а затем наспех закрыт. КАТУКОВА не проявила ни малейшего интереса к рассказу ОРЛОВСКОГО, заметив лишь: "Уж не думаете ли вы, что я приказала оторвать бирку?" На что ОРЛОВСКИЙ ответил: "Мало ли кто мог это приказать или попросить, ну хоть бы капитан МИХАЙЛОВ". На что КАТУКОВА заявила, что не знает никакого МИХАЙЛОВА /что тоже странно, т.к. человек, возвративший ОРЛОВ-

СКОМУ часть изъятых у него как "антисоветские" материалов и предъявивший удостоверение на имя ст. оперуполномоченного УКГБ ЛО¹ кап. МИХАЙЛОВА, сказал, что он возвращает эти материалы по поручению отдела, возглавляемого КАТУКОВОЙ/.

По окончании проверки КАТУКОВА, по ее словам, составила "Справку" о том, что жалоба необоснованная и все действия милиции правильны и законны. При этом она сослалась на § 143 ст.30 "Правил перевозки пассажиров, багажа и грузов по воздушным линиям СССР", утвержденных приказом Министра гражданской авиации СССР № 401 от 2.VIII.71, на ст.137 Гражданского кодекса РСФСР² и на пункт 5 комментария к ст.86 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР³/стр.129 "Научно-практического комментария УПК РСФСР" под редакцией председателя Верховного Суда СССР Л.Н.⁴ СМЕРНОВА, изд. 3, Москва, 1970/. Комментарий к УПК у ОРЛОВСКОГО был с собой, с остальными двумя нормативными актами ОРЛОВСКИЙ попросил его ознакомить. Вначале КАТУКОВА категорически отказалась это сделать. Затем, в 10.25 одела пальто, попросила ОРЛОВСКОГО подождать в коридоре и ушла, сказав, что ей надо отпустить автомашину. В 10.38 вернулась, сказала, что теперь не очень торопится и дала прочесть машинописный лист, содержащий две выписки из упомянутых "Правил перевозки":

1. ст.30 § 143 "В случае утери или непредъявления багажной квитанции или отрывного талона багажной бирки багаж выдается при условии, если лицо, претендующее на багаж, предъявит достаточно доказательств на право получения этого багажа. В таком случае багаж выдается по акту";

2. ст.5 § 13 - воспроизводит, по-видимому, формулировку ст. 96 Воздушного кодекса СССР в редакции 19.3.71⁵ насчет права досмотра багажа и ручной клади "при наличии достаточных оснований подозревать пассажира в намерении незаконно провезти" предметы, опасные для жизни и здоровья пассажиров и членов экипажа воздушных судов.

Кроме того, на этом же листе была рукописная запись со ссылкой на утвержденную рядом ведомств 20.II.76 инструкцию № 59/ц10 "О порядке производства спецдосмотра багажа и ручной

1. Ленингр.область.
2. Ст.137 - "Предметы, кот. могут приобретаться лишь по спец. разрешениям"...
3. Ст.86 - "Меры, принимаемые в отношении вещественных доказательств при разрешении уголовного дела".
4. Лев Николаевич.
5. См. "Вед. ВС СССР", 1971, №13.

клады..." Однако КАТУКОВА, заметив, что ОРЛОВСКИЙ пытается переписать не только первую, но также вторую и третью записи, отобрала у него лист, заявив: "Эти записи я выписала без всякой связи с проверкой вашего заявления, и вам они не нужны; я параллельно проверяла еще другой сигнал". ОРЛОВСКИЙ заявил, что не сомневается в том, что все три записи были сделаны КАТУКОВОЙ в связи с подготовкой ответа на его заявление. "Я никогда не лгу", - с некоторым пафосом возразила КАТУКОВА. Однако через двадцать минут ей пришлось признать, что в данном случае она все-таки солгала. Ибо, забыв о том, что она сказала до этого, КАТУКОВА сообщила, что смотрела нормативные акты о спецдосмотре, чтобы убедиться, что даже и там не предусмотрена выдача заинтересованному лицу копий протоколов изъятия, о чем просит ОРЛОВСКИЙ.

Ст.137 ГК РСФСР устанавливает, что законодательством СССР, а также постановлениями Совета Министров РСФСР может быть определен перечень предметов, которые по своему значению для народного хозяйства, по соображениям государственной безопасности или по иным основаниям могут приобретаться лишь по особым разрешениям /оружие, летательные аппараты, сильнодействующие яды и др./. Такой перечень однако никогда не был опубликован.

Комментарий к ст.86 УПК не является, разумеется, нормативным актом. Этот комментарий поясняет, какие предметы относятся к числу "запрещенных к обращению вещей", которые, если они попадают в число вещественных доказательств по уголовному делу, не подлежат возврату владельцам. В числе этих вещей упомянута "запрещенная к распространению литература". При этом на следующей странице в пункте 7 комментария к той же статье указывается, что если не доказан преступный характер приобретения и хранения запрещенных к обороту вещей, их владельцам должна быть выплачена компенсация./

ОРЛОВСКИЙ. Но ведь в ст.137 ГК не указано право конфискации перечисленных там предметов /можно было бы добавить: ст.149 ГК¹ допускает как возмездное /реквизиция/, так и безвозмездное 1. "Реквизиция и конфискация".

/конфискация/ изъятие имущества у собственника лишь в случаях и в порядке, установленных законом/. А в УПК говорится о вещественных доказательствах по уголовному делу, чего в настоящем случае, по вашему утверждению, нет. И разве можно считать перечень руководителей КПСС и английский детективный роман "запрещенной литературой"?

КАТУКОВА. Позвольте мне знать, применим ли здесь УПК. А то, что вам вернули, было изъято ^{лишь} по некомпетентности работников милиции.

ОРЛОВСКИЙ. Если они некомпетентны, зачем же они этим занимались? И они это делали не наспех. В течение 6 часов несколько человек /среди которых, несомненно, не только сотрудники милиции/ внимательнейшим образом все читали. ИВАНОВ еще явно ходил по телефону советоваться. И лишь после этого записали, что они признали антисоветским. И вдруг почти половину этих "антисоветских" документов возвращают. А вы не видите нарушения закона!

КАТУКОВА. Не половину, а значительно меньше половины. Вы могли бы жаловаться, лишь если бы у вас не оказалось ни одного антисоветского документа.

ОРЛОВСКИЙ. Я вправе жаловаться, даже если бы хоть один документ, заведомо не содержащий ничего антисоветского, был бы назван антисоветским. И мне, и обыскивающим было ясно, что значительная часть изъятого будет возвращена. Тем не менее, все это изъяли. С какой целью? На основании какого закона? Это столь же грубое пренебрежение к процессуальным нормам, как и в сталинские времена! Впрочем, я утверждаю, что у меня не было ни одного антисоветского документа. Как можно считать антисоветской или запрещенной литературой, например, книгу ОРУЭЛЛА об Испании, на которую нередко ссылаются в советской исторической литературе?! Или черновые рукописные выписки из Пакта о гражданских и политических правах, это что, тоже "запрещенная антисоветская литература"?!

КАТУКОВА. Ну, вот у вас нашли несколько выпусков "Хроники текущих событий". Там встречаются искажения. Даже по ленинград-

ским делам, которые я хорошо знаю. /Но на просьбу ОРЛОВСКОГО привести пример, КАТУКОВА замаялась, подумала, но ни одного примера назвать не смогла./ А выписки из Пакта у вас сопровождаются восклицательными и вопросительными знаками, пометками /типа "Очень важно" или "У нас такой закон предусмотрен, но так и не издан" и т.п./, так что это, конечно, запрещенная литература. Вы хотите, чтобы внутренние дела СССР контролировали американские сенаторы.

ОРЛОВСКИЙ. Простите меня за грубость, Инесса Васильевна, ну что вы плетете?! Где у меня про сенаторов? Я говорил сейчас о текстуальных выписках из Пакта, а пометки как раз свидетельствуют, что эти выписки черновые, не предназначенные для распространения. Пакт ведь одобрен советскими руководящими органами и вступил в силу. Если так бояться Пакта, то зачем было к нему присоединяться? А в письме ОРЛОВУ¹, руководителю Общественной группы содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР, которое вы, очевидно, читали, я пишу о желательности обращать внимание общественности не только на нарушения прав человека, но и на прогресс в защите этих прав, когда он есть. И тоже никаких сенаторов./

КАТУКОВА /продолжает/. Вы ведь читали заявление ТАСС, осуждающее эту "Общественную группу"².

ОРЛОВСКИЙ. Я читал лишь /в изъятых у меня материалах/, что такое заявление было. Но в СССР оно, по-видимому, не опубликовано. Я его, во всяком случае, не читал. Может быть, это заявление ТАСС тоже антисоветское? Иначе какая же это свобода информации? /КАТУКОВА настаивает на том, что заявление было в советской печати, но не назвала, где./

КАТУКОВА. Вот вы сравнили наше время со сталинским. Но ведь в изъятых у вас, а потом возвращенных вам списках руководителей КПСС отмечено, как много этих руководителей погибло во времена СТАЛИНА. А сейчас этого нет. Читая регулярно "Хронику текущих событий" /ОРЛОВСКИЙ. К сожалению, нерегулярно/, которой можно в этом отношении верить /!/, вы знаете, что в Ленинграде,

1. Юрий Орлов.

2. Обратный перевод с английского см. в Хр.40:120.

скажем, не всякий год бывает хотя бы один процесс, редко два /при этом КАТУКОВА торопилась в суд; какое там дело слушалось в этот день с ее участием, пока не ясно; неясно также, имела ли в виду КАТУКОВА лишь дела по ст.70 или и по ст.190-1 и др./ . А на каком основании вы предполагаете, что среди лиц, предъявивших удостоверения сотрудников милиции, могли быть сотрудники КГБ?

ОРЛОВСКИЙ. А потому, что во многих советских изданиях, широко популяризируемых, а нередко снабженных даже хвалебными предисловиями руководящих работников КГБ, проводится мысль, что оперативный работник КГБ должен иметь в кармане удостоверения пожарника, сотрудника ГАИ, сотрудника ОБХСС и т.д. и использовать по мере надобности то одно, то другое удостоверение и даже соответствующую форму одежды. Ну вот, например, это сказано в изданном Воениздатом романе Ивана ГОЛОВЧЕНКО "Черная тропа" /Москва, 1971/.

КАТУКОВА. Я на такие глупые книги времени не трачу. А вот в фильмах, знаете, иногда такую тоже чушь покажут... Сплошные нарушения законности, а вроде бы так и нужно... Вот взять хоть бы фильм "Сержант милиции"...

ОРЛОВСКИЙ. Фильма я не видел, но читал эту книгу /ЛАЗУТИН - "Сержант милиции"¹/ . Там говорится, что обыск желательно делать сперва негласно, в отсутствие хозяев, а затем уже придти с ордером, зная уже наверняка, где что лежит. Или придти сначала под видом водопроводчика и т.п. Из романа видно, что так именно и делается.

КАТУКОВА. Такие методы совершенно незаконны и достоверность добытых таким способом доказательств сомнительна. Авторы подобных книг и фильмов искажают действительность.

ОРЛОВСКИЙ. Я вполне согласен с вами насчет незаконности и недостоверности. Но вот насчет искажения действительности... Пожалуй, авторы описывают то, что видят в жизни. Кстати, их не судят за клевету, а наоборот, переиздают их книги громадными тиражами, ставят фильмы и т.д.

1. Иван Георгиевич Лазутин, "Сержант милиции" (повесть), Москва, Воениздат, 1957.

Вернемся к обыску или, как вы называете, досмотру моего багажа. В "Правилах", на которые вы сослались, вовсе не предусмотрен досмотр багажа при отсутствии на нем бирки. Прочитанный параграф относится хотя и к сходному, но к иному все же случаю: когда на чемодане бирка есть, а пассажир отрывной талон бирки потерял. В моем же случае у меня, наоборот, отрывной талон бирки, т.е. документ на право получения багажа, был и я требовал выдачи мне чемодана, на который никто, кроме меня, не претендовал. Кроме того, даже в случае утери отрывного талона бирки прочитанный параграф не предусматривает никакого досмотра, да еще в милиции, а предусматривает предъявление пассажиром достаточных доказательств Аэрофлоту и выдачу багажа по акту. Все было сделано не так. В конечном счете никакой идентификации багажа не было произведено и никакой передачи мне по акту тоже. Это можно объяснить лишь тем, что никто с самого начала не сомневался в принадлежности чемодана мне.

КАТУКОВА. Да, как объясняют сотрудники Аэрофлота, они сочли лишним составлять подобный акт, поскольку чемодан возвращал вам не Аэрофлот, а милиция.

ОРЛОВСКИЙ. Вот именно. А участие милиции в этом никак "Правилами" не предусмотрено. И кроме того, для установления принадлежности чемодана вовсе не требуется и не предусмотрен досмотр.

КАТУКОВА. Что же, по-вашему, если милиционер заметит явно антисоветское издание, он не вправе его изъять? И кстати, в перечне вещей, имеющих в чемодане, который вы составили перед досмотром, вы упомянули грязное белье и т.п., но не упомянули папки.

ОРЛОВСКИЙ. Вы ошибаетесь. Папки я упомянул. Впрочем в подобном документе я ведь не обязан давать перечень всего, что находится в чемодане. Достаточно назвать несколько вещей, которые в сочетании вряд ли могут встретиться в чьем-либо чужом чемодане. Я указал названия нескольких книг, находившихся в моем чемодане. Совпадение этих названий с фактически находившимися в

чемодане книгами полностью доказывало принадлежность чемодана мне и делало все последующие действия милиции явно незаконными.

Мне неизвестен закон, разрешающий милиции изымать даже так называемые "явно антисоветские" издания, если она их заметит. /Ни ст.137 ГК, ни указ 8.VI.73 об обязанностях и правах милиции¹ таких прав милиции не дают./ Такое полномочие имеют лишь следователи при производстве обыска /ст.171 УПК² ч.1, 2-я фраза: "/при производстве обыска или выемки/. Предметы и документы, запрещенные к обращению, подлежат изъятию, независимо от их отношения к делу"/. Но ведь, по вашему утверждению, обыска в данном случае не было. Насчет того, в какой мере изъятые у меня материалы "явно антисоветские", мы уже с вами говорили. Сейчас я хочу напомнить вам о другом.

Без грубого нарушения закона сотрудники милиции вообще не могли "заметить" у меня никаких, по их мнению, "антисоветских" документов. У милиции не было никаких законных оснований вмешиваться в процесс выдачи мне чемодана Аэрофлотом. А при установлении принадлежности мне чемодана ни у сотрудников милиции, ни у работников Аэрофлота не было никаких законных оснований развязывать папки и перебирать их содержимое. А если были законные основания полагать, что у меня имеются предметы или документы, могущие иметь значение для уголовного дела, следователь милиции или КГБ вправе был вынести с санкции прокурора мотивированное постановление о производстве обыска. Но ничего этого не было сделано.

А на каком основании произведен досмотр ручной клади, т.е. портфеля? Здесь вы даже не можете сослаться на фикцию необходимости установить принадлежность вещи. Портфель был все время у меня.

КАТУКОВА. Насколько я помню, вы сами открыли портфель.

ОРЛОВСКИЙ. Да читали ли вы заявление, которое вы держите в руках? Я же ясно пишу там, и я требовал внести это и в протокол досмотра, что я категорически возражаю против досмотра портфеля. Я положил руку на портфель, но майор ИВАНОВ силой снял мою руку, лично открыл портфель и вынул все из него. Никаких законных оснований к этому не было.

1. Текст см. в "Вед. ВС СССР", 13.6.73, №24, ст.309.

2. "Изъятие предметов и документов при выемке и обыске".

КАТУКОВА. Раз у вас были обнаружены антисоветские материалы в чемодане, естественно было подозревать, что подобные материалы могли быть у вас и в портфеле.

ОРЛОВСКИЙ. Подобное подозрение могло бы послужить основой для вынесения постановления следователя и истребования санкции прокурора. Этого сделано не было. И уже по одному этому действия милиции незаконны, даже если согласиться на минуту с утверждением об антисоветском характере изъятых материалов.

Столь же незаконен личный обыск и изъятие из кармана паспорта вопреки моей воле. Я отказался выполнить требование о предъявлении паспорта, так как считал это требование незаконным. /Указ об обязанностях и правах милиции от 8.VI.73 предусматривает право милиции требовать предъявления паспорта при составлении протокола о правонарушении; в данном/^{же}случае меня никто не обвинял в правонарушении, наоборот, закон нарушали сотрудники милиции./ Но, даже если бы требование было законным, за отказ от выполнения его требования меня можно было привлечь к административной или уголовной ответственности, но не изымать паспорт силой. А личный обыск допускается лишь в порядке, указанном в ст.172 УПК¹, т.е. либо по постановлению следователя с санкции прокурора, либо при заключении под стражу, либо при производстве по постановлению следователя с санкции прокурора обыска в помещении или ином месте. Ни одно из этих условий в данном случае не имело места.

КАТУКОВА. Все сделали законно, а вы ищете какие-то подвохи. Думаете, мне и другим больше делать нечего, кроме как за ОРЛОВСКИМ следить. Вели бы/^{вы}себя поспокойней на круге, отдали бы вам чемодан без всякой милиции. Вы подходите предвзято.

ОРЛОВСКИЙ. Вы меня, видимо, за дурачка считаете. Я изо всех сил стараюсь исходить из предположения, что вы прокурор, страж закона, озабоченный выяснением фактов и выявлением нарушений закона, а не выгораживанием нарушителей закона. Я излагаю вам факты, аргументирую свои утверждения о незаконности действий милиции. Но я не слышу от вас разбора моих аргументов, лишь

1. "Личный обыск".

утверждения о законности действий милиции и сказки, противоречащие фактам. И вы хотите, чтобы я с этим согласился.

КАТУКОВА. Нет, я не считаю вас дурачком. Я читала ваше письмо Валерию ЧАЛИДЗЕ. Оно написано весьма и весьма сдержанно. Так мог написать лишь умный человек. В нем нет ничего антисоветского!

ОРЛОВСКИЙ. Так почему же мне его не возвращают?

КАТУКОВА. Ну, оно все же с нехорошим духом. И вообще вы, кажется, озлобились.

ОРЛОВСКИЙ. Я стараюсь быть объективным. И не думаю, что я озлобился. А впрочем, вы бы не озлобились, если б вам без причины снизили зарплату вдвое? Вы ведь в курсе дела, хотя бы потому, что я пишу об этом в письме ЧАЛИДЗЕ. Разве прокуратура помогла восстановить мои законные права? Наоборот! /КАТУКОВА не проявляет интереса к этой теме./

А все же я настаиваю на письменном ответе на мое заявление.

КАТУКОВА. Письменного ответа вы ни в коем случае не получите. Закон предусматривает обязанность ответить на жалобу. Но ответ может быть и устным. Никакого письменного ответа не будет. /КАТУКОВА однако изменила свое решение и в тот же день выслала ОРЛОВСКОМУ письменный ответ; копия ответа перепечатана отдельно; ничего нового он не содержит./

ОРЛОВСКИЙ. А будете ли вы возбуждать уголовное дело по поводу перечисленных в моем письме нарушений закона? Согласно статье 109 УПК¹ вы были обязаны в 3-дневный срок /в исключительных случаях - в 10-дневный срок/ со дня получения моего заявления либо возбудить уголовное дело, либо вынести мотивированное постановление об отказе в возбуждении уголовного дела и ознакомить меня под расписку с этим постановлением, включая мотивировку отказа /ст.113 УПК² и п.12 комментария к нему в упомянутом выше официозном издании/. Эти сроки давно истекли.

КАТУКОВА. Никакого уголовного дела мы, разумеется, возбуж-

1. "Обязательность рассмотрения заявлений и сообщений о преступлении".

2. "Отказ в возбуждении уголовного дела".

дать не будем. И никакого постановления об отказе в возбуждении уголовного дела я выносить не стану. Если без всякого повода, в ответ на всякое голословное требование выносить мотивированное постановление, то работать некогда будет.

ОРЛОВСКИЙ. Я не удивлен, что вы не ответили мне в срок. Ведь вы не ответили до сих пор на мои жалобы 1972 года и 1973 года.

при обыске

КАТУКОВА. Ваши жалобы 1972 года на нарушения закона/у вас в январе 1972 года и при допросах вас следователем Ленинградского Управления КГБ САВЕЛЬЕВЫМ¹ я была некомпетентна рассматривать. Обыск у вас тогда был произведен по постановлению следователя союзного КГБ по делу № 24 о "Хронике текущих событий" по обвинению П.И. ЯКИРА и других с санкции 1-го заместителя Генерального прокурора СССР МАЛЯРОВА. Все материалы обыска и допросов сразу отправлялись в Москву. Вы помните, приезжал для проверки вашей жалобы сотрудник Отдела по надзору за КГБ Прокуратуры РСФСР ЯКОВЛЕВ.

ОРЛОВСКИЙ. Да, я помню. ЯКОВЛЕВ сказал тогда в вашем присутствии в этом же кабинете, что проверка лишь начата; похоже, что некоторые законы² были действительно нарушены, но до окончания проверки ничего более конкретного он сказать не может. Прошло 4 года, но никакого вразумительного ответа я так и не получил.

КАТУКОВА. К сожалению, это вне моей компетенции. С этими претензиями прошу обращаться к ЯКОВЛЕВУ или к МАЛЯРОВУ.

ОРЛОВСКИЙ. Ну, а мой протест, записанный в 1973 году в протокол "предостережения"? На него вы обязаны ответить?

КАТУКОВА. Там не было никакого протеста.

ОРЛОВСКИЙ. Протест был перед подписью об ознакомлении с протоколом. Я даже битых два часа спорил с сотрудниками КГБ, писать ли протест на отдельном листе или на тексте предостережения /оговорившись, ОРЛОВСКИЙ сказал "предупреждение", КАТУКОВА сразу поправила: "предостережение"/. И все же я настоял на

1. М.Б. ст.следователь Савельев, который руководит следствие по делу лозунгов, в св. с которым художники Олег Волков и Юрий Рыбаков были арестованы 13.9.76 (см. АФП и Рейтер, 19.9.76).
2. В получ.копии слово "нарушения" - явная опечатка.

10179?

том, чтобы мой протест из четырех или пяти пунктов был на том же листе, где предостережение, до моей подписи под ним. Обязан ли был КГБ довести этот протест до сведения прокуратуры? Это было 25 августа 1973 года.

КАТУКОВА. Да, конечно, обязаны были. Это какое-то недоразумение. Сейчас я выясню. /Несколько раз принимается звонить по телефону, затем переводит разговор на другое, но после напоминаний ОРЛОВСКОГО все же дозванивается и просит принести наряд с предостережениями за август 1973 года, если он еще не сдан в архив. Можно напомнить, что слово "наряд" употребляется в канцеляриях юридических организациях вместо употребляемого в иных канцеляриях слова "дело", чтобы избежать путаницы с термином "дело" в смысле "судебное дело". Приносят канцелярскую папку толщиной листов 300. Находит письмо-извещение от УКГБ ЛО о том, что 14.VIII.1973 ОРЛОВСКИЙ ошибся, сказав КАТУКОВОЙ, что это было 25.VIII/ сотрудник УКГБ ХУХАРЕВ в соответствии с /неопубликованным/ указом Президиума Верховного Совета СССР от 25.XII.72 объявил предостережение ОРЛОВСКОМУ¹. Мотивировка предостережения не вполне совпадает с подписанным ОРЛОВСКИМ тогда протоколом: вместо ссылки на то, что при обыске 15.I.72 были обнаружены тенденциозно подобранные материалы, замаскированные под правдоподобие с целью введения в заблуждение общественного мнения /без упоминания каких-либо конкретных материалов/, приведена ссылка на обнаружение при этом обыске ряда выпусков "Хроники текущих событий", а также сборника избранных текстов Самиздата /"Общественные проблемы"/. Второй мотив /перепечатка на машинке ОРЛОВСКОГО текста КОЛАКОВСКОГО, начинающегося словами "Я скажу вам, что такое социализм"/ приведен в том виде, как в подлинном протоколе. Ни малейшего упоминания о протесте ОРЛОВСКОГО нет. /Текст письма КАТУКОВА не показала ОРЛОВСКОМУ, но зачитала, по ее словам, полностью./ / КАТУКОВА продолжает./ Я могла тогда быть в отпуске и УКГБ могло сообщить о вашем протесте лично прокурору города. /ОРЛОВСКИЙ. Может быть, вашему заместителю? Нет, лично прокурору города. /ОРЛОВСКИЙ. И тогда это сообщение было бы в этой же папке?/ Да, если б это было письменное сообще-

1. Об этом см. Хр.30:99.

шение, но оно могло быть и устным. /ОРЛОВСКИЙ. Это же все ваши предположения! / Почему вы мне не верите? Я имею основания считать, что именно так и было: УКГБ устно сообщило о вашем протесте прокурору города.

ОРЛОВСКИЙ. А прокуратура обязана отвечать на протесты?

КАТУКОВА. Конечно.

ОРЛОВСКИЙ. Так если КГБ не сообщил прокурору о моем протесте, то КГБ нарушил закон. Если же, как вы утверждаете, прокурору города был сообщен мой протест, он обязан был на него ответить, не так ли? А если не ответил, значит, он нарушил закон? .

КАТУКОВА. Прокурор города - мой начальник, я не вправе обсуждать действия моего начальника.

ОРЛОВСКИЙ. Ну что же, вам не зря присвоили звание заслуженного юриста РСФСР. Если, конечно, понимать под заслугами в укреплении законности заслуги по замазыванию нарушений законности и выгораживанию нарушителей. И ведь такое поведение прокуратуры и прокуроров, к сожалению, характерно не только для вас лично. Я уже говорил о прокуратуре Ленинского района, воспрепятствовавшей восстановлению моих нарушенных трудовых прав. /Можно было бы добавить, что аналогичный опыт у меня был 15 лет назад и с прокуратурой Невского района. Прокурор тогда поддержала мой иск об отмене незаконного увольнения, но, после отклонения иска судом с нелепой мотивировкой, отказалась поддержать мою кассационную жалобу, заявив: "Я остаюсь при том мнении, что вас уволили незаконно, но вы умный человек и должны понять, почему я вас больше не поддерживаю!" / Вот другой пример, когда прокуратура выгораживает преступников, совершивших не должностные, а обычные уголовные преступления - хищения. Многие из старших групп сотрудников нашего института, направляемых на разгрузку и переборку овощей, систематически присваивают десятки и сотни рублей, выплачиваемых овощной базой для раздачи сотрудникам, занимавшимся этой работой, да еще кичатся тем, что они члены партии и партком их в обиду не даст. Я обращался с

этим неоднократно в дирекцию института, в газету "Ленинградская правда", в прокуратуру города и района. Отовсюду, в том числе, из прокуратуры города, получал нелепейшие отписки. В конце концов, я добился, что это дело было расследовано ОБХСС Ленинского района. Они ограничились рассмотрением лишь одного случая, описанного мною наиболее подробно. Я получил ответ, что изложенные мною факты подтвердились, двумя старшими групп были получены за много месяцев до того деньги в сумме около 100 руб., но никому не роздано ни копейки. "Однако признаков хищения не обнаружено"! Впоследствии мне стало известно, что деньги у этих лиц были после этого вытребованы сотрудником отдела кадров МИНИИМ. Но никому они так и не были розданы. Можно предполагать, что их теперь присвоил МИНИИ. И такая система продолжается. Примерно половина старших или чуть более полученные деньги раздает фактически работавшим. Остальные же старшие беззастенчиво кладут деньги себе в карман. Но прокуратуре не до этого, ей, видимо, неинтересны, ей не до настоящих преступников, она ищет выдуманных. Собственно, немало подобных случаев попадает даже на страницы советской печати. Вот даже в центральной "Правде" вчера или позавчера была статья о потворстве прокуратурой Московской области систематическому нарушению законов в области участия предприятий в ремонте автомобильных дорог¹.

КАТУКОВА. Не могу понять, почему с подобными мелочами вы обращаетесь в прокуратуру, в газеты, вместо того, чтобы обратиться в дирекцию своего института, выступить на собрании, в стенной газете. Чего вы боитесь?

ОРЛОВСКИЙ. Я же вам сказал, что не раз обращался в дирекцию через своего непосредственного начальника. А затем директору института было переслано мое письмо по этому вопросу из редакции "Ленинградской правды". Вы знаете, что письма, пересланные из редакций газет, должны быть зарегистрированы наряду с жалобами и заявлениями трудящихся и на них должен быть дан заявителю ответ в месячный срок. Прошел однако год и до сего времени ответа нет. Смешно говорить, что я боюсь писать в стенга-

1. См. ст. А.Шелудько "Магазин дорогу строит", "Правда", 28.6.76.

зету. Я просто знаю, что ни на одном собрании мне слова не дадут, ни одной заметки в стенгазете не поместят, так же как знаю, что как бы хорошо я ни работал, меня никогда не признают победителем соревнования. Вот недавно обсуждался вопрос о присвоении мне звания "Ударника коммунистического труда". Все выступавшие отмечали, что я выполняю в срок или досрочно все плановые задания, хвалили качество моих работ, отметили, что я выполняю полностью свои обязательства по соревнованию и т.д. и т.п. Говорилось много лестных слов о том, как я помогаю другим сотрудникам, о том, что я стал-де тактичным и вежливым с товарищами по работе. /КАТУКОВА. А, значит, они заметили, что вы колючий?/ Они сказали, что я-де раньше был не всегда тактичным и вежливым, а сейчас это не так. Ну и в итоге: звание не присваивать. Мотивировка официальная: какие-то мифические, нигде не зафиксированные нарушения трудовой дисциплины, да еще к тому же еще до того, как я "вступил в борьбу за звание". Неофициальная, но объявленная вслух на собрании мотивировка: об ОРЛОВСКОМ в конце января 1976 г. что-то упоминал "Голос Америки". Все мои вопросы: что же именно обо мне упоминалось? - остались без ответа. Я и по сей день этого не знаю.

КАТУКОВА. Да, вы озлоблены. Вы ходите на грани преступления. Вы сегодня на протяжении всей нашей беседы улыбаетесь. Но для вас это все может плохо кончиться.

ОРЛОВСКИЙ. Если мои письма ЧАЛИДЗЕ и ОРЛОВУ - антисоветские документы, то меня уже сейчас надо судить, так как очевидно, что я их составил не для хранения, а для направления адресатам. Если же в них нет ничего антисоветского /а вы, по существу, с этим согласились/, то я полагаю, что прокуратура и КГБ должны вернуть эти и другие документы мне и перестать меня дергать. Если кому-то мои взгляды представляются ошибочными, то я никогда не отказывался от дискуссий и полемики, но, конечно, не с прокуратурой и не с КГБ. А снижение зарплаты вдвое за "склонность к восхвалению чуждой идеологии" или угрозы арестом должны, видимо, заставить меня поверить в то, что $2 \times 2 = 5$. Ну что же, других аргументов, по-видимому, для противоречащих истине утверждений и быть не может.

/Э.ОРЛОВСКИЙ/